

АЛЕКСАНДР
БЛОК

1880 · 1980

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

М. А. ДУДИНА

В. Н. ОРЛОВА

А. А. СУРКОВА

ЛЕНИНГРАД • «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1983

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ТОМ 6

ПИСЬМА
1898 • 1921

ЛЕНИНГРАД • «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1983

ББК 84.Р1
Б70

СОСТАВЛЕНИЕ ВЛ. ОРЛОВА

ПРИМЕЧАНИЯ

М. И. ДИКМАН

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

М. И. ДИКМАН

ОФОРМЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА

Н. НЕФЕДОВА

© Состав, примечания, оформление. Издательство «Художественная литература», 1983 г

© Письма, отмеченные в содержании *. Издательство «Наука», 1978 г., 1980 г., 1981 г

Б 4702010100-081 подписное
028(01)-83

ПИСЬМА

1. К. М. САДОВСКОЙ

〈Конец марта 1898. Петербург.〉

Чем больше я вижу Тебя, Оксана, тем больше во мне пробуждается то чувство, которое объяснить одним словом нельзя: в нем есть и радость, и грусть, а больше всего горячее, искренней любви, и любовь эта не имеет границ и, мне кажется, никогда не кончится. Чувство это бурно и не дает мне совсем покоя, я имею потребность видеть Тебя как можно чаще, любоваться Тобой и хоть на минуту утишить ту страшную бурю, которая все время бушует у меня в душе; и мне хочется, чтобы Ты, безмятежный ангел, обвеяла меня своими крылами и разрушила сомненья моей больной души, которая стремится к Тебе только и не находит выхода. Ты скажешь, откуда взялись эти порывы у такого холодного, безнадежного эгоиста, который заботится только *о себе*?! Неужели же я не знаю, что я действительно эгоист, и сознание этого часто мучает меня... Я не могу ждать дольше пятницы нового свидания: если только можешь, то приходи в четверг, я буду ждать Тебя во 2-ой линии против дома; мне нужно только видеть Тебя и знать, что Ты со мной; а в пятницу прийти я не могу, меня заставляют исповедываться именно вечером. Странное совпадение! Приходи в четверг, ради бога, моя душа только к Тебе стремится, только Тебя и жаждет. Может быть, Твое письмо поможет мне избавиться от эгоизма, и этим Ты спасешь меня от большого горя в жизни; а если Ты думаешь, что экзамены и пр. будут страдать от этого, то знай, что мне прежде всего нужна жизнь, а жизнь для всякого человека самое главное, потому я и стремлюсь к Тебе и беру от Тебя все источники жизни, света и тепла. Не знаю, может быть, это свойственно моей молодости, но на меня благотворно и живительно действует эта роскошно рас-

пускающаяся весна и наполняет все мое существо, особенно когда Ты со мной, а мне кажется часто, что Ты близко от меня, и я думаю,

Не здесь ли Ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?
И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий врачуешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг...¹

У меня в сердце постоянно звучат эти чудные стихи. А мысль о Тебе действует на меня, как музыка: то душа полна грусти, то внезапно замрет от бурного веселья, то жадно стремится к свету. Не правда ли, что это любовь? Будешь ли Ты еще сомневаться?

Я жду теперь Твоих писем, как неземного счастья. Жду Тебя, приходи.

2. К. М. САДОВСКОЙ

31 марта 1900. Петербург

Глубокоуважаемая Ксения Михайловна.

Я глубоко понимаю, чувствую и верю. Прощенья я не прошу, потому что нельзя просить его. Не спрашивайте о том, что было. Получить от Вас карточку — мое глубочайшее желание. Посылаю Вам свою. Страстно хочу получать от Вас письма, хоть изредка. Кому и чему может «теперь» мешать эта переписка? — Так же страстно хочу писать Вам иногда, если хотите знать, что у меня в душе. Будет ли ответ?

Мой адрес: Петербургская сторона, казармы Л. Гв. Гренадерского полка, кв. 7. В начале мая я уеду: Николаевская железная дорога, станция Подсолнечная, имение Шахматово.

Р. С. Что было? Было, конечно, то, что очень трудно объяснить, зная даже мою отвратительную натуру. Я сам не берусь объяснять этого «психологического» явления. Со мной бывает вот что: я — весь страсть, обожание, самое полное и самое чистое; вдруг все проходит, — является скука, апатия (мне незачем рисовать-

ся), а иногда отчаянная беспредметная тоска. Что это? Молодость? Пресыщение? Безнравственная черта характера? Последнее, пожалуй, всего вернее. Вот полное объяснение.

Поверьте, это и мне тоже даром не проходит, теперь тем более не прошло.

У Вас там горы, море и южное небо Франции, а здесь — тусклый, серый Петербург и синяя дымка островов, где каждое дерево, каждая вечерняя тень, каждый поворот дорожки невыносимо больно, тоскливо и резко говорит мне, что «тогда» было первое и последнее — настоящее молодое счастье; помните Вы парк, залитый лунным светом, темное озеро, в котором опрокинулись еле заметные для глаза отраженья островов, и плывут большие, белые лебеди; а здесь на берегу Вы, Вы и Вы, — и кроме Вас нет вокруг ничего такого прекрасного, такого недоступного кисти художника. И ночь с Вами кажется еще темнее и еще полнее страстью, разлитой в воздухе, ласкающем Вас, и Ваши глаза все непонятнее, глубже и ярче... — Может быть, лебеди не плавали ночью и острова не отражались в темном озере, но я все это представляю себе именно так, — и иначе мне не хочется.¹ Кроме ночей и вечеров были еще утра и дни, но всего не напишешь, и Вам невыносимо скучно читать всю эту пустую риторiku, Ваши чудные глаза рассеянно бегут по строчкам. Отчего мне так врезался в память череп, нарисованный на столе над озером?

В Вашем письме есть слово, написанное одной буквой, а <я> не пишу ни одной, — Вы и так понимаете и видите.

Иногда я бываю у Ваших окон, смотрю, как кто-нибудь выходит из дверей дома. Двери так же блестят тогда, как прежде, — и это тоже очень больно, но — что же делать? Ваши письма с первого до последнего я храню, как святыню. Пришлите Вашу теперешнюю карточку, прошу Вас. Лепестки роз в письмо вкладывать было жестоко, по меньшей мере. Будете Вы еще писать мне? Прошу Вас теперь писать прямо на мой адрес, Вы должны знать, что никто, кроме меня, писем читать не будет, а перечитывать их, думать, вспоминать, тосковать и... целовать эти благоуханные письма тоже буду один я...

Одним словом, все это и глупо, и молодо, и нужно бросить в печку, но ничего другого я писать не хочу

и несколько от всего, что написано, не отрекаюсь. Если бы Вы знали, как нервы раздерганы, и тоска какая здесь, и как все скверно и грустно, и хочется обнять Ваши колени и «зарыдать у Ваших ног»...² Смейтесь, а мне вовсе не смешно.

Вы напишете ответ и пришлете карточку? Напишите на карточке хоть одно слово? Все равно что, — я буду только видеть Ваш почерк, и слышать знакомый голос, и думать, думать, думать...

Может быть, моя карточка напомнит Вам лучшее время?

3. А. В. ГИППИУСУ

26 апреля 1901. <Петербург.>

Дорогой Александр Васильевич, безмерно благодарю Вас за Ваши хлопоты¹ и письмо, хотя и декадентное, но очень обстоятельное и «естественно-разговорное».² Рогалеви́ча я встретил с распростертыми объятиями. Учусь, но, вероятно, меньше, чем Вы, — экзамен будет 2-ого мая. Приду к Вам в субботу 28-ого с большим удовольствием.

Третьего дня я бродил в удельном лесу около Лесного, там все время несется «гул железного пути»³ и анемоны в бутонах под снегом — какая-то «смесь зимы и лета»⁴ (Фет?). Если бы было время сосредоточиться, оттуда можно бы вывезти «настроений» на несколько дней. Я же попал в Лесной слишком поздно, потому торопился и бегал почти рысью. И то было хорошо.

Вообще же настроение скверное — без равновесия, рифмы частенько глагольные;⁵ скверно.

Искренно любящий Вас *Ал. Блок.*

4. А. В. ГИППИУСУ

25 июня 1901. <Шахматово.>

Милый Александр Васильевич, извините, что отвечаю Вам не сразу. Дело в том, что все это время я занят сильно и нравственно и физически спектаклем, ко-

торый состоится через неделю (1 июля).¹ Придется играть три роли (моряка в «Горящих письмах» Гнедича, сумасшедшего² — в костюме и с Машей и, наконец, Ломова в «Предложении»³). Последнее особенно улыбнется мне. Кроме всего этого будет народное гулянье с дивертисментом, в котором и мне придется принимать участие. Все произойдет у Менделеевых, ездить туда нужно далеко (верст 8) и часто, все это, впрочем, для меня в высшей степени приятно. Вообще провожу время довольно хорошо, в свободное от спектакля время читаю Флобера и «Вечных спутников» и перевожу очень интересную статью Ренана об Ироде Великом.⁴ Жизнь довольно полная, в высокой степени созерцательная и далеко не чуждая мистических видений, «непостижных уму».⁵ Заглянув в Пушкина, нашел там отрывок «Юдифь» — необыкновенный. Я думаю, Вы знаете его: «...Стоит, белеясь, Ветилуя в недостижимой вышине».⁶ Соловьев упоминает о нем в критике Пушкинского празднования.⁷ Вообще вокруг очень много хорошего, не знаю только, есть ли польза та, например, какую Вы хотите извлечь из лета. Удастся ли Вам это? Последнее Ваше письмо несколько разочарованное и кислотоватое: сквозь лаун-тэнис с барышнями и государственные науки (кстати, я, право, не настолько прочь от них, как Вы думаете!) смотрит черная меланхолия и «смех сквозь незримые слезы».⁸ Впрочем, надеюсь, что это было временно и даже случайно, а теперь — прошло. Однако, не думаю, чтобы Ваши «бюрократические» наклонности и желание писать сочинение⁹ и т. п. побороли летнюю обстановку Вашу, например, море. Природа не может позволить человеку совершенно сосредоточиться на одном; может быть, Вы и стихи напишете, «а я давно (этого) желал», как говорит Степ. Степ. Чубуков.¹⁰ Если напишете, то пришлите, мне очень интересно, к тому же это отчасти докажет, что для Вас начались дни с числами. А Коркунова я давно бросил, почуяв силу Мережковского и Флобера. Признаки всё дурные, но дело в том, что «на равнинах моей души» поселился некий Сфинкс, очень и давно уже наполняющий мое существование (с некоторыми перерывами) и направляющий все мысли к одному началу.¹¹ Ожидаю великого «смыкания кругов».¹² Вы поймете это, в сущности, так что за нагромождение непонятных и собственных терминов не очень

извиняюсь. Часто испытываю большой подъем духа, доставляющий сильное счастье.

«Конец уже близок, неожиданное сбудется скоро».¹³

Очень и от всей души желаю Вам подобных настроений (конечно, с изменениями, соответственно Вашей природе!).

Любящий Вас Ал. Блок.

5. А. В. ГИППИУСУ

28 июля 1901. <Шахматово.>

Дорогой Александр Васильевич!

По обыкновению нашему, извиняюсь. Причины на этот раз уважительнее, чем когда-либо, и вот они: жара была нестерпимая, полная засуха, даже цветущая наша природа поблекла. И только на днях полил дождь и оживил в том числе мою, начинающую киснуть, душу. Но главное впереди: мой театральный пыл (впрочем, не я один тому виной) привел меня, можно сказать, к полнейшему хаосу; без преувеличения скажу, что, решившись играть «Ромео и Джульетту» и изучив отчасти роли, мы довольно быстро сменили ее на сцену из «Гамлета». Если прибавить к этому, что в промежутках этих колебаний «труппу» приглашали гастролировать посторонние лица, а в конце концов ничего не состоялось, — то получится довольно назидательная иллюстрация к пословице «за двумя зайцами» и т. д. Надо Вам знать, что труппа состоит из двух лиц: премьерши¹ и меня. Остальные лица приглашаются по надобности и в крайности; они довольно апокрифичны.

Все это, в сущности, очень хорошо обошлось (говоря «обошлось» только потому, что больше решительно не намерен предаваться спектаклям). Однако вот и лето кончается, и как-то скоро! Впрочем, еще осень длинна, и от нее я жду многого, а чего — по правде сказать, в точности сам не знаю. Но чувствуется мне, что должен произойти важный переворот в моей жизни или в хорошую, или в дурную сторону (плюс или минус!). Это чувство и постоянное «ожидание» бодрит. И часто «я плачу сладостно, как первый Иудей на ру-

беже страны обетованной»² (конечно, в переносном смысле! а может быть, буду плакать и действительно?). Вообще, если бы не временная жара, я мог бы похвастаться полнотой жизни. Теперь наверстываю потерянное. Кое-что, все-таки, прочитано, теперь даже и за Коркунова взялся. А что Ваше сочинение? Я надеюсь, что оно пойдет скоро окончательно безболезненно. А теперь мне представляется как-то, что Вы не можете сосредоточиться. И у Вас тоже очень хорошо, как здесь, но, я думаю, совершенно другие настроения возникают: Вы ходите много и с барышнями. Я если двигаюсь, то верхом на лошади и непременно к Менделеевым, вообще же хожу с неохотой и недалеко. Однако и барышня есть — к нам приехала на две недели Екатерина Евгеньевна Хрусталева, которую Вы однажды видели у нас (или дважды?). Мы мало гуляем, но иногда ведем разговоры, и, конечно, по преимуществу довольно отвлеченные. Кстати, ей очень нравятся иные из Ваших стихов, а я переписывать не даю; прошу Вас санкционировать мои поступки в ту или другую сторону. — Отвечаю на Вашу постоянную, привлекательную, но несбыточную просьбу, что приехать к Вам решительно не могу (да и поздно уж теперь было бы), потому что нет денег, а главное, я привязан к здешним местам: нас в Шахматове четверо, и убыль одного была бы чересчур заметна. Но и это можно было бы преодолеть. Дело в том, что сюда в настоящее время привлекает меня мистический магнит; отречься от него теперь, мне думается, большой грех против собственной природы; ибо он притягивает меня больше, чем когда-нибудь; и в этом я чую перелом.³ Вы, конечно, склонны, как и я, к такому «идеализированью» собственных желаний (если интересно называть это идеализированьем), а потому поймете меня, особенно если я напому Вам строки Фета «знать, в последний встречаю весну и тебя на земле уж не встречу».⁴ Это настроение теперь не чуждо мне, хотя и не вполне подходяще, потому что очень весеннее. Но оно и без действительной весны возможно. — И вот настоящая причина. А потому я

...боюсь, если путь мой протянется
Из родимых полей в край чужой,
Одинокое сердце оглянется
И забьется знакомой тоской.⁵

Настроение, как видите, такое, что всякую мысль готов превратить в лирический стих. Очень радостное и очень напряженное. И еще раз, желаю Вам таких же мыслей и чувств, хотя это и не будет способствовать Вашему сочинению. Да, ведь сочинение само собой напишется, потому что

Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.⁶

Скоро мы ведь увидимся в Петербурге; но все-таки напишите.

Искренно Вас любящий *Ал. Блок.*

Стихотворение, приводимое ниже, должно, по-моему, доставить удовольствие. Это — Аснык, в переводе... Лебедева!

ЧУДЕСНЫЙ СОН

Чудесный сон, владея мной,
Мечтою длился нежной.
Была ты — светлою волной
Я был — скалой прибрежной!.. —
Не тосковал о жизни я,
О бренном, слабом теле...
Все снилась мне любовь твоя...
Века, века летели. —
Был нем, вздымаясь в небеса,
Но жил мой камень мрачный:
В просторе — чьи-то голоса,
Лазурь — в волне прозрачной...
В объятии каменном моем
Все билась ты в печали;
Нас общим, долгим бытием
Века веков связали. —
Ты все точила мой гранит,
И в сладостном влеченьи
Я знал, я знал, что мне сулит
Судьбы предназначенье! —
Я знал — придет конец труду,
И, рухнувши без стона,
Я с ликованием паду
В твое родное лоно!..

Р. С. Может быть, Вы уже знаете его?

13 августа 1901. Шахматово.

Дорогой мой Александр Васильевич, что с Вами? Я не поверил, впрочем, настроению Вашего письма целиком; а то было бы слишком плохо, если бы поверил! Ругать Вас совсем не собираюсь, а прежде всего ужасно благодарю за доверие, еще незаслуженное.¹ Надеюсь, что письмо в иных частях своих навеяно временем дня, или временем года, или еще чем-нибудь внешним (сочинением?); Вы неузнаваемы, как будто и для Вас «проходят дни и сны земные» ужасно горестно и ужасно тяжело. «Где слава, где краса?»,² где «жизненность»?³ Вас угнетают, конечно (или угнетали только?), «три группы чувств», о которых Вы мне пишете. Помоему, хуже всего сочинение. Борьба с плотью может окончиться для Вас особенно хорошо (не для Вас особенно, а хорошо особенно), если отойдут наконец «злые силы вражьих чар».⁴

Зло позабытое
Тонет в крови.
Входит омытое
Солнце любви.⁵

А о заграничной поездке ничего не знаю, потому что взглядов Ваших на этот счет не знаю.⁶

Или, может быть, я просто не понял Вашего настроения и несколькими словам сделал неверное заключение?

Мои дела и дни текут по-прежнему хорошо для меня в большинстве. Вчера вернулся с соседней станции от Соловьевых, скоро они приедут к нам (это — семья Мих. Серг. Соловьева). Узнал там факты из биографии «властителя» моих дум и некоторые из его неизданных стихов (вышеприведенные четыре строки — из предсмертного (незадолго до смерти) его стихотворения).⁷ Есть и еще властители всего моего существа в этом мире, но они заходят порою в мир иной (конечно, в воображении моем и мыслях) и трудно отделимы от божественного.⁸ И это, по-прежнему, — стимул моего поведения, а главное, душевного состояния (поведение часто ужасно негармонично и грубо). Ужасно все мне кажется «наполненным богами» (как у Фалеса).⁹ Большой для меня вопрос личный, когда наконец осуще-

ствятся мои ожидания и верования. Вот одно из бесчисленных нынешних выражений моей мысли:

Ты прошла голубыми путями,
За тобою клубится туман.
Вечереющий сумрак над нами
Обратился в желанный обман.
За твоей голубою дорогой
Протянулась зловещая мгла,
Но с глубокою верою в бога
Мне и темная церковь светла.

Много я за эти дни узнал от Соловьевых и у Соловьевых. Также перечитал очень много Гоголя и пришел в совершенный восторг. Отныне буду любить его и чтить, чего прежде не делал по недоразумению. Подробности до скорого свидания, и хочу Вас видеть прежним веселым и милым мне Александром Васильевичем. Пожалуйста, напишите.

Любящий Вас искренно *Ал. Блок.*

7. ОТЦУ

29 сентября 1901. Петербург.

Милый папа!

В этом году я более, чем когда-нибудь, почувствовал свою полную неспособность к практическим наукам, которые проходят на III курсе. Об этом мы с мамой говорили уже и летом, причем я тогда уже возымел намерение перейти на филологический факультет. Теперь же, в Петербурге, я окончательно решился на этот серьезный и крайне для меня важный шаг и уже подал прошение ректору о переводе, о чем и спешу сообщить Вам, как о важной перемене в моей жизни; дело в том, что, пока я был на юридическом факультете, мое пребывание в Университете было очень мало обосновано. Три года тому назад я желал больше всего облегчения занятий и выбрал юридический факультет, как самый легкий (при желании, разумеется). Теперь же моя тогдашняя леность и бессозна-